

4. Дисциплины преподаются на высоком университетском уровне с изучением студентами архивных источников, опубликованных документов, произведений классиков, статистических материалов, трудов выдающихся ученых и т. п., что обеспечит фундаментальность образования и его исследовательскую составляющую.

5. Содержание циклов социально-гуманитарного образования определяют не прозападные деятели, а ученые и педагоги нашей страны с тем, чтобы воспитывать патриотов, настоящих граждан Республики Беларусь, любящих свою страну и ее народ и способных их защищать в самой сложной обстановке.

6. В связи с тем что учебно-наглядными пособиями кафедры гуманитарных дисциплин негуманитарных вузов Беларуси обеспечены очень плохо, а профессорско-преподавательские коллективы не могут самостоятельно создать высокохудожественные, на современном научном и педагогическом уровне учебно-наглядные пособия, предлагается организовать из числа профессоров и доцентов гуманитарных кафедр, художников, режиссеров, актеров, кинодокументалистов, инженеров, программистов и других творческих работников коллективы для выполнения исторических карт, учебных кинофильмов и кинофрагментов, плакатов, схем, диаграмм в компьютерном исполнении и т. д. и выделить для этих целей необходимое финансирование. Гуманитарные науки не должны финансироваться по остаточному принципу. Наглядные пособия, которые создают сегодня педагоги, – это «изделия каменного века».

7. Завершается изучение социально-гуманитарных дисциплин государственным экзаменом, что будет содействовать более глубокому пониманию их важности и значимости, а также улучшению отношения студентов к их изучению.

Поступила в редакцию 27.04.12.

В.В. КАЛМЫКОВА,
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МОСКВА)

ОБРАТИМЫ ЛИ ИЗМЕНЕНИЯ?

В контексте современных реалий трансформирующегося российского общества рассматривается проблема реформирования системы образования (школьное и вузовское). Процесс объективации реформ через оценку нововведений образовательной системы (ЕГЭ, бакалавриат, магистратура и т. д.), предельно унифицирующего мышление, анализируется с позиций реальных и возможных последствий происходящих и предлагаемых изменений, во многом необратимых.

In a context of modern realities of being transformed Russian society the problem of reforming of an education system (school and high school) is considered. Process of an objectivization of reforms through an assessment of innovations of educational system (Unified State Examination, a bachelor degree, a magistracy etc.), extremely unifying thinking, is analyzed from positions of real and possible consequences of occurring and offered changes, in many respects the irreversible.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий...

И.С. Тургенев

Школьник в эпоху перемен

К переменам в России ее граждане настолько привыкли, что считают их нормой и как бы неизменным фоном обычной, плюс-минус стабильной жизни. Меняем законодательство – ну да, цены пляшут – разумеется, а как иначе, СМИ сегодня говорят одно, завтра другое – так на то они и СМИ. И к реформам в области образования мы относимся не то чтобы совсем спокойно (дети же у всех растут!), но с некоторой долей разумной иронии: ну, прореформируют, ну не совсем же, что-нибудь да останется...

А вдруг нет? Вдруг изменения, сегодня происходящие в нашем образовании, школьном и вузовском, окажутся *необратимыми*?

Мы как-то привыкли решать спонтанно возникающие проблемы без шума и пыли, если не получается коллегиально, то кулуарно. Воткнул нам, например, столб с надписью: «Выгул собак воспрещен» в том месте, где мы с ними гуляем

последние двадцать лет, а мы его аккуратненько так срежем. Автогеном. Полно ж умельцев, у которых под кроватью лежит этот самый автоген.

И со всем остальным также разберемся. Ну, пошумят чиновники, успокоятся, а мы потом как-нибудь их решения обойдем, трансформируем и вообще видоизменим в нужную нам сторону. Привыкли: в России ведь живем!

Однако существует вероятность, что на сей раз не получится.

Потому что проблема, что такое хорошо и что такое плохо, решается только при условии: существует солидный процент думающего населения, наглядно и в подробностях представляющего себе, что такое хорошо.

Любой взрослый человек, сегодня хотя бы периодически сталкивающийся с выпускниками средних школ, удивляется: ну надо же, как они отличаются от нас! Этого не читали, того не умеют, еще кое о чем даже представления не имеют, а мы-то думали, что это нас плохо учили. Учителя что ли повывелись?.. Или эти самые тинейджеры ничего, кроме компьютеров своих, видеть не хотят?! «Мастера и Маргариту» не читали эти дети. А ведь какой роман, какой роман! Даже не в стихах, не «Евгений Онегин» все-таки!

И хочется спросить любого взрослого человека, много ли внимания во времена оны он уделял, скажем, такому предмету, как... природоведение? Ну, или, если взять классы постарше, м-м-м... НВП (начальной военной подготовке), впоследствии замененной, кажется, на ОБЖ, т. е. на основы безопасности жизни? А? Или вот еще был да прошел такой чудный предмет, как этика и психология семейной жизни. Тоже захватывающая вещь.

При чем тут этика безопасности военной подготовки, спросите вы? Да при том, что ныне на эту позицию низведено преподавание русской классической литературы. На нее отводится час в неделю. *Один.*

За это время предлагается освоить... Много чего, разумеется. Но только как в предлагаемых обстоятельствах работать учителю, сея в сердцах и душах разумное, доброе и вечное, никто не догадался разъяснить. И что успеет взойти за сорок пять минут, тоже, в общем, неясно.

Мне уже приходилось писать, что, обвиняя наших детей в том, что они *не читают, не интересуются, не стремятся*, мы должны, как та крыловская кума, на себя оборотиться. Подумать о том, что это *мы*, а не кто-то зловредный с планеты Марс, научили их ко всему подходить прагматически. И когда они спрашивают: «А зачем мне это знать?», мы как-то не сразу находимся с ответом и почему-то предпочитаем поиску собственных несовершенств огульные обвинения в их адрес.

И зачастую нам даже в голову не приходит, что они-то на самом деле читают, интересуются, стремятся. Просто – без нас.

В сумках у них книжки – почитать в метро. Даже у выпускников. Они покупают современные зарубежные или российские романы (совсем не обязательно про вампиров) и таскают их с собою, а еще многие скачивают тексты из интернета. Услышав труднопроизносимое слово *экзистенциализм* (именно так!), они, со второго раза запомнив его *правильнописание*, начинают... читать Сартра. Они лезут в интернет, чтобы посмотреть, чем живопись Андрея Рублева отличается от искусства Дионисия и Феофана Грека. Они знают, в каком году родился Рембрандт, и читают наизусть «Облако в штанах». Они ходят на выставки Караваджо и Ге и объясняют, почему тот или другой им как-то ближе...

Они с радостью идут в музей Тургенева и готовы воспринимать головоломные умопостроения Кандинского. Узнав стороной содержание драмы Островского «Гроза», они удивляются: надо же, интересно. Первое, что они говорят о Сократе, это – что, кажется, он был *придурок*, но если спросить их, обязательно ли является придурком человек, которому истина дороже, чем его жизнь, они отвечают – *нет* и задумываются.

Они умеют слушать. Они не перебивают собеседника, давая тому договорить фразу до конца. Они хотят научиться выражать свои мысли. Даже самые ленивые из них вдруг неожиданно начинают соображать и что-то такое неожиданно соображают...

Они замечательные. Только *мы* делаем все, чтобы они стали не такими, а мы могли бы их невозбранно ругать: за тупость, за черствость, за душевную леность, за интеллектуальную неразвитость, бог знает за что еще.

И вскорости у нас появится еще одна радость: они действительно *станут* такими. Потому что есть вещи, которые человек познает лишь в одной ситуации – находясь один на один с вымышленным миром книги, с художественными образами, созданными с помощью слов. Когда ты читаешь и перед твоим мысленным взором встает изображение, принадлежащее только тебе. Когда ты кожей ощущаешь вокруг себя трехмерное пространство, не существующее в природе. Когда *слова, слова, слова* вдруг на миг становятся тебе роднее и ближе, чем даже самый дорогой друг, и потом, после чтения, к этому другу ты идешь счастливым и обновленным.

Так давайте же окончательно укореним в их сознании мысль, что чтение им ни за чем не нужно, поскольку предмет, изучаемый за сорок пять минут в неделю, стоящим не может быть по определению.

Чтобы знать, как устроена любая национальная культура, нужно быть ее носителем. Мне неизвестно, каков удельный вес литературы в культуре Франции или Великобритании, Испании или Мексики. Но я точно знаю, каков он – во всяком случае, *был* – в России, в СССР, потом опять в России. Наше бытие неотделимо от изящной словесности – так исторически сложилось.

И если сегодня мы школьника от литературы отлучаем, то это, без пафоса если говорить, получается *геноцид*.

Страшно сказать, не знаю, насколько этично, но – мнение чисто субъективное – эта штука пострашнее Холокоста. Потому что шестью миллионами жертв, если по всей России и не за один год, мы не обойдемся.

Простая мысль о том, что *генетическая память русского человека связана с искусством слова*, почему-то совершенно не заботит наше образовательное руководство. И кстати, вспоминается давнее исследование Якова Гордина о несуществующем заговоре в царствование Николая I. Некий дворянин подал императору доклад о том, что в стране действует тайное общество численностью сорок тысяч человек. Император, ясное дело, ужаснулся и повелел оное общество выявить, деятельность в корне пресечь, а виновных наказать. Следствие установило, что такого заговора не существует...

Тут Гордин подумал: ну откуда такая цифра? Почему сорок? Не двадцать? Не восемьдесят? И начал подставлять различные статистические данные. В результате получилось: сорок тысяч человек – это примерный численный состав российского чиновничества на тот момент. Которое, разумеется, никакого тайного общества не составляло. Просто потихоньку производило свои циркуляры и переписывало бумаги...

Обратная сторона медали – внедрение в сознание подростка мысли о том, что словесность есть единственная ценность, что она должна стать для него светочем жизни, а всяческие интернеты, социальные сети и прочие компьютерные игры суть растление и сплошная пошлость, – вот это все является ложью и насилием. Во-первых, назовите мне хотя бы одного человека, которому на сегодняшний день что-нибудь должен Федор Михайлович Достоевский (даже с учетом особенностей его биографии).

А во-вторых, каждый вправе сам выбрать себе светоч.

И если мы хотим, чтобы дети любили книги, мы сами должны любить и книги, и детей. Мы должны научиться *убедительно жить* рядом с ними, чтобы им захотелось *быть с нами, быть как мы, быть лучше нас*. Иначе ничего не получится.

Почему именно литература?

И впрямь, почему же, в конце концов, именно она? Почему не что-нибудь другое? Вот, например, у девочки не складываются отношения с мальчиком. Грустно, но бывает. Маму она слушать не хочет, заперлась и рыдает круглые сутки, в школу не ходит, музыку грустную слушает... При этом девочка умная, тонкая, глубокая. А давайте ей предложим книжку по психологии. Хорошую какую-нибудь, профессионально написанную. Пусть почитает о взаимоотношениях полов, пусть вникнет в гендерную проблематику, пусть...

...И пусть на всю жизнь запомнит, что ее беда – это из-за гендерной проблематики. Узнает, что ее возлюбленный называется нейтральным словом «партнер», как в сексе. Научится расчленять внутреннюю жизнь, свою и другого человека, на различные составляющие и раскладывать их по полочкам: вот это мне годится, это нет, и давай поговорим об этом.

Принесет ли ей этот навык счастье в следующих, будущих отношениях? Поможет ли увидеть другого человека целиком, воспринять его всего, во всех достоинствах и недостатках, полюбив недостатки больше, чем собственные неоспоримые достоинства? Открытый вопрос. Неоднозначный, во всяком случае.

Потому что о жизни человеческого сердца в книжках по психологии не говорится ничего (и даже из учебников кардиологии, увы, узнаем мы далеко не основное). Есть только один источник знаний на эту тему. Потому что, когда мы впервые в жизни видим, что такое социальная несправедливость, нам хочется разрешить себе *иметь право* на устранение позорного несовершенства мира *любой ценой*. Что после этого бывает, мы узнаем благодаря образу Раскольникова. Или когда мы видим, как не складываются отношения у двух любящих людей, мы можем вспомнить Онегина и подумать: человек беспределен, не стоит повторять ошибку Татьяны, составив представление о нем в своем сознании. Потому что затем, видя перед собой живого собеседника, мы станем воспринимать его сквозь призму нашего представления. Его самого – не увидим. Никогда. А он всегда шире, он всегда больше, чем самые извилистые фантазии...

Но, может, стоит ограничить сферу преподавания литературы, скажем, профориентацией? Будущим *технарям* хватит и раза в неделю, а *гуманитариям* можно и побольше.

И снова не получится. Потому что литература говорит о человеке, словесность человечна. Она показывает, что цель всех наших преобразований, достижений, стремлений, изобретений, целеполаганий – *благо человека*. Тот, кто плохо проектирует мост, должен понимать: по этому мосту пойдут живые люди, поедут машины с людьми же. Если рухнет непрочная конструкция, они погибнут. По *моей (твоей)* вине.

Что же касается гуманитариев... Тот, кто сегодня плохо учит литературе, должен отдавать себе отчет: пройдет лет двадцать, и мы можем оказаться в ситуации, примерно повторяющей пока еще многим памятный тридцать седьмой год.

Кстати говоря, и о нем в школьной программе по истории говорится страшно мало.

Технари могут прагматически – то есть так, как их научили, – возразить: мол, зачем нам этот Булгаков, Платонов этот, все здесь так зыбко, неоднозначно, анализу не поддается, дайте нам что-нибудь точное, это нам нравится, это мы можем. Душу нашу вполне способны насытить формулы, воображение – теоремы, нам достаточно, заберите себе вашего Чехова. Однако вопрос *зачем* здесь – тормоз, а не двигатель развития. Потому что никакая теорема сама по себе не существует, и изучение внутренних органов тоже, они интересны нам только как проявления жизни человека. А человек меняется – и во времени, и в пространстве, и в истории.

У технарей прошлых поколений, кстати говоря, родители такими прагматиками, судя по всему, не были. И потому авторы многих замечательных гуманитарных исследований – технари, среди писателей, мастеров, как говорится, художественного слова, – жуткое количество технарей, а поэты какие из технарей получаются!..

...Или вот еще. К середине XIX столетия что-то случилось с человеческим зрением, глаз стал видеть несколько иначе, и тогда появились французские импрессионисты. Что-то случилось и позже, после Второй мировой войны, после чего живописность стала постепенно иссыхать, уступая место графичности. Офтальмологи всех стран, объединяйтесь, объясните сей феномен, замкнувшись только в пределах вашей дисциплины!

«Конкретные науки, определив собственный объект исследования, даже если последний не является проявлением только естественных закономерностей (например, человек), рассматривают его вне системы иных присущих ему связей и отношений. Человек здесь может трактоваться и как биологический, и как биохимический, и как механический, и как социологический, и как исторический объект соответствующей науки. Это главное условие конкретно-научного познания... Такой подход позволяет достигать «однозначности» понятийного аппарата науки, а также высокой степени точности и доказательности, к которой стремится наука, но своеобразной платой за это является значительное, иногда предельное «огрубление» действительности. Именно эти огрубления и задают специфику предметной области науки...

Стремление к точности (и доказательности), конечно, выше в естественных науках, но и гуманитарные науки также вырабатывают собственные критерии

точности... В онтологическом смысле точность недостижима... В естественных науках точность связана с возможностью формализации и использования математической интерпретации, что, как известно, имеет очень серьезные ограничения даже для заведомо формальных систем. Не случайно именно в математике (этой "точнейшей из точных наук") все время продолжают дискуссии о характере доказательства и точности» (В.В. Мионов. *Перевод в системе гуманитарного знания // Вестник Московского университета. Теория перевода. 2008. № 1*).

И далее – у того же автора: «Чем выше будет точность гуманитарного знания, или, иначе, его "научная объективность", тем в большей степени наука будет терять свой статус гуманитарное».

Потому что объект исследования конкретных, или точных, наук всегда привязан к данному времени и пространству. А объект гуманитарных – нет: он зыбок, непостоянен, пребывает в разных временах и осуществляет свою деятельность в разных пространствах. Он никогда не бывает окончателен, даже на короткое время. Он всегда в становлении, которое никогда до конца не осуществится.

Так что читайте, будущие химики. Беритесь за «Котлован». Тем более что стиль инженера и писателя Андрея Платонова – это квинтэссенция инженерного мышления.

И совсем уж робко напомню: кое-кто даже считает, что математика, точнейшая из точнейших, – вообще не наука, поскольку предмет ее никому не известен: мы никогда не видели числа, мы видим лишь запись числа...

Зато этика – наука очень точная. Не делай другому того, чего не хотел бы для себя. Остановись, если хочешь причинить кому-то боль. Больше ничего не надо. Но об этом в книгах говорится чаще и лучше, чем в жизни.

Здесь возникает коварный вопрос: ну хорошо, а как мы проверим, прочитал ли наш уважаемый будущий технарь «Двенадцать» или «Тихий Дон»? Что ему, несчастному, экзамен сдавать что ли, ЕГЭ по литературе? В придачу к химии, физике, математике и русскому языку? Не много ли мы нагружаем на него, на беденького?

Думаю, если ответ поискать, он придет. Можно ввести, например, для всех, кто не сдает ЕГЭ по литературе, обязательное сочинение, как раньше: три или четыре темы написаны на доске, выбирай ту, где раскрывается известное тебе произведение, и пиши себе. А можно в ЕГЭ по русскому, в знаменитую часть С, ввести не абстрактный текст о высоких идеалах культуры, а фрагмент из литературного произведения. И предложить его разобрать, причем вопросы поставить простенькие, но чтобы ответы предполагали знание всего произведения от начала до конца.

Мне возразят – и уже возражали! – что русский – это русский, а литература – это литература. Что два предмета нельзя сливать в один. Что текст в задании С соответствует прагматическим задачам: проверить, насколько человек способен воспринимать и анализировать информацию и насколько может изложить ее своими словами. Что анализ художественного произведения – это из другой программы...

Однако разве не все или почти все тексты, предлагаемые в задании С, созданы философами, писателями, на крайний случай педагогами или журналистами? Разве художественная литература перестала быть сферой реализации языка? Разве, наконец, сложное синтаксическое единство (да простит мне читатель этот первый и последний специальный термин), которое характеризуется (относительной) завершенностью темы, смысловой и синтаксической спаянностью и коим может быть предложение, абзац, глава, часть, том и т. д., не относится к области изучения предмета, который носит, если не ошибаюсь, название «Синтаксис русского языка»?..

Мне хотелось бы возопить: пожалуйста, уберите из ЕГЭ по русскому языку тексты, носящие высокоморальный и высокодуховный характер. В ситуации экзамена мораль и духовность, даже самые заоблачные, не воспринимаются, поскольку человек занят другим делом – он экзамен сдает. Все замечательные рассуждения Франка, Паустовского, Сент-Экзюпери и прочая, и прочая пройдут мимо сознания юноши или девушки, которым за определенное время нужно ответить на вопросы тестов. Научите его простым приемам анализа (ну вот же они, в задании В8: всякие параллелизмы, анафоры, метафоры и риторические вопросы) и предложите применить их на практике. Ничего больше не надо.

Разве что небольшой абзац о смысле заглавия (тоже ведь из области понимания текста, правда?) или об образе какого-то героя. Больше ничего не надо. Что такое портрет и как он корреспондирует с пейзажем, интерьером и более того – деталью, способен понять любой технар.

Практика показывает, что они даже метафоры от метонимий отличают.

Говорят педагоги

Однако тезисы хороши, только если подкреплены фактами. Вот мнение нескольких педагогов высшей школы, работающих с первыми, так сказать, продуктами системы ЕГЭ и подготовки к ней. Конечно, говорят они, так сказать, о студенте массовом. Ни у одного педагога нет возможности заглянуть в душу каждому и спросить, читал ли он Сартра. Лично я знала юношу, который из всей русской классики освоил только «Мастера и Маргариту», но зато знал О'Генри и Вальтера Скотта. Итак:

*Х, доктор филологических наук,
профессор, преподаватель истории русской литературы*

Надо начать разговор с того, какими выпускники школ приходят в вуз. Поскольку сейчас знания у них формируются на уровне подготовки к ЕГЭ, школьное образование подчинено натаскиванию. В результате резко снизился уровень тех, кто поступает в вузы. Если раньше недостатки усвоения школьной программы компенсировались за счет репетиторов, которые не натаскивали, но подтягивали, то теперь ситуация другая.

Вот абитуриенты поступают на исторический, на филологический, на факультет журналистики. Выясняется: вчерашние школьники в массе своей лишены любви и интереса к книге, невежественны, руководит ими только желание получить диплом. Конечно, неистребима часть студентов, которые хотят учиться. Но если сравнить сегодняшнего первокурсника даже с первокурсником, пришедшим в университет десять лет назад, то увидим: уровень знаний стал ниже на несколько порядков. Это какое-то массовое оглупление, обольванивание.

А что происходит в вузе? Пока еще среди наших студентов остаются «специалисты», которые будут учиться положенные раньше пять лет. Но прием на пятилетнее образование закончился, и разница между специалистами, бакалаврами и магистрами огромна. После четырех лет бакалавриата в магистратуре остается только часть студентов. Казалось бы, четыре – это всего на один меньше пяти. Но удивительным образом четырехлетнее образование по уровню подготовки настолько хуже, будто они учатся не на год меньше, а на три.

Когда приходится работать с магистрантами, опять-таки видишь полное отсутствие широты познаний. В лучшем случае знают только то, что ты им сам рассказал. Сталкиваешься с фантастическими вещами. Не знают Москвы, не ходят в музеи, в театры, не знают, где Дом на набережной, где Третьяковская галерея. Вот, например, аспирантка, заканчивает аспирантуру и диссертацию, параллельно работает в школе. От меня впервые узнала, где находится Литературный институт и что там есть книжный магазин. А ведь хорошая студентка, с радостью, по призванию пошла работать в школу. Даже пять лет назад такое было немыслимо.

В системе бакалавриата и магистратуры количество лекционных часов, посвященных традиционным курсам истории русской литературы, сокращено. Резко сокращено. На глазах «худеют» курсы изучения истории литературы, базовые, без которых понять ничего невозможно. Фундаментальных представлений больше не дается. Зато все это заменено огромным количеством спецкурсов. Но ведь на спецкурсе педагог рассказывает о своей излюбленной теме, и студент в лучшем случае оказывается информирован о какой-то частной литературоведческой проблеме, к тому же исследованной каким-то другим человеком. Это чужое знание, не выстраданное, не студентом добытое.

Формирование умений и навыков тоже отстает. Не научились писать сочинение в школе, не приобрели навыка – не сумеют написать ни диплома (теперь это называется ВКР – выпускная квалификационная работа, ее пишут бакалавры), ни магистерской диссертации. В школе не научили. Раньше с третьего курса человек начинал собирать материал для диплома. Теперь формально бакалавры могут вести научно-исследовательскую работу с первого курса, у них есть руководитель, академический консультант. Но на деле руководители могут меняться ежегодно.

Приходишь на работу и видишь: был у тебя бакалавр и нет у тебя бакалавра – теперь он у кого-то другого. Если не пойдешь договариваться, чтобы его вернули, то студент останется ни с чем, совсем уж никаких знаний не получит.

После четырех лет обучения часть бакалавров уходит неизвестно куда. Кто их берет с таким образованием – загадка. Но в системе бакалавриата даже нет специальности учителя русского и литературы: максимум – редактор в издательстве. Зачем вообще такое образование?

Самая большая проблема – чиновники, которые нами руководят. Печальная конфликтная ситуация: чиновники все время стараются как можно меньше часов дать преподавателю для работы со студентами. С какой целью? Для экономии заработной платы. Интересы чиновников абсолютно противоположны интересам студентов и преподавателей. Получается, что мы студентов учим вопреки той системе, в которой работаем. И все время пребываем в состоянии конфликта с «властями».

Постоянно пишем новые программы спецкурсов для аспирантов. Их надо разработать, для чего необходим огромный опыт, знания, у этих программ сложная структура. Но на такие спецкурсы нам никто не выделит часы, реально нам не дадут времени спецкурсы прочитать.

Общая политика – нацеливать студентов на то, чтобы они работали. Но если ты учишься на дневном отделении и работаешь, то с программой не справишься, потому что постоянно будешь пропускать занятия. А у преподавателя окажется одной проблемой больше: встретиться со своим работающим бакалавром. Не потому, что у тебя, у профессора, нет времени, а потому, что постоянно занят он! Ты пишешь ему по электронной почте, а он, понимаете ли, занят в банке, и ты подстраиваешь свое расписание под него. По банковскому графику. Преподаватель попадает в позицию секретаря у своего студента. Или вот пора ему защищать курсовую работу, а у него в компьютере все пропало. Он тебе пишет: «Пожалуйста, пришлите». У преподавателя есть, а у автора нет! Это же гротеск!

Самое ужасное, что из-за сокращения часов на литературу в школе сокращаются они и в вузе. Впечатление такое, что именно на преподавание литературы обрушились репрессии. Издательство «Академия», которое раньше издавало учебники по литературе, закрыло этот отдел. Издательство «Высшая школа», где также выходили учебники, вообще закрыто, исчезло. Приходишь в книжный магазин, а там нет раздела «Литературоведение» – только «Языкознание». Такое ощущение, что нас полностью выдавливают из системы образования – и в школе, и в вузе.

Как будто языкознание может существовать без литературы!.. Без литературы, без чтения мы потеряем язык, мы лишимся языка.

Нам говорят: прогрессивная, мол, Болонская система. А она себя в Европе дискредитировала. В Прибалтике с дипломом бакалавра в школу работать не берут, только магистров. Двухуровневая система себя не оправдала, но мы упорно наступаем на те грабли, на которые наступили уже до нас. Далеко не все страны эти грабли принимают, между прочим.

Мне совершенно ясно, что Болонская система введена и в Европе, и у нас исключительно для того, чтобы процентов на шестьдесят и даже больше сократить количество людей, получающих высшее образование.

*У, кандидат технических наук, доцент,
преподаватель математического анализа*

Могу популярно объяснить, что такое ЕГЭ. У тебя есть рубль, и тебе дарят копейку. Прибыль небольшая, пустячок, но приятно. И вот ситуация другая: у тебя есть рубль, тебе дарят копейку, но рубль отнимают.

Сама проблема возникла в 1960-е годы в Америке. Человеческий труд там был дорог, а вот машин – сколько угодно, девать некуда, надо было оправдать вложенные в них средства. И машины «нагрузили» различной информацией, чтобы человек мог потыкать кнопку и узнать, что ему надо. Тогда у нас это не прижилось, потому что человеческий труд стоил дешево, а машины – дорого. Но зато существовала целая плеяда хороших преподавателей: и в Академии Жуковского, и в Академии Куйбышева... Вспоминаешь их и говоришь, как Паниковский: «Человек из раннего времени».

Катастрофически развивается бытовая глупость. Я всегда считал, что бытовая информация должна восприниматься с одного раза. Я на первой лекции объявляю: в библиотеке возьмите мое пособие, если хотите купить книжку – на кафедре можно приобрести, стоит столько-то. К концу октября они начинают спрашивать, где, мол, пособие взять. А два месяца вы что делали?!

Когда отнимаешь шпаргалку, то видно: они не знают, откуда списывали и что надо списывать, в результате списывают не то. Я первокурсникам сразу говорю: вы здесь для того, чтобы научиться читать и писать, почти как в первом классе, с одной разницей – научиться критически читать и критически писать. Иначе останетесь на уровне гоголевского Петрушки. Но так ведь и остаются!

На консультации у студента вижу книжку. Говорю, ведь в сентябре же просил показать мне ваши пособия! Возьмите, отвечает. Я ему: зачем она мне сейчас, накануне экзамена?..

Отбираю шпаргалку. Написана совершенная чушь, откуда-то списанная. Откуда, спрашиваю. Ты ж это не сам придумал! Вчера, отвечает, в интернете. Я ему: ну я же на лекции эту теорему доказывал, она доказывается в полстрочки, а у тебя вон сколько написано, да еще и неправильно. Еще одну шпаргалку отнимаю. Вижу, что половина исписана ненужными формулами. Зачем, говорю, это? А она у меня со школы осталась, отвечает. Неужели трудно составить новую шпаргалку?

Но самое жуткое, что они свои мысли вообще выражать не умеют. Никакие. Ничего не могут сказать словами. Не умеют говорить, не владеют языком. А это, я думаю, прямое следствие отсутствия нормальной литературы в школе. Без литературы не будет математики.

Свою первую лекцию я всегда начинаю с нескольких тезисов, дающих представление студентам о том, как со мной следует себя вести. Вот один из них.

Русский язык велик и могуч – это хорошо. Плохо другое: малейшее отклонение-искажение текста может сильно изменить смысл вплоть до противоположного. Сравните-сопоставьте, скажем, такие фразы:

- а) он пьет воду – он пьет;
- б) он сидит на стуле – он сидит...

И дальше объясняю, почему в математике без языка – никуда, особенно если ты инженер. Раньше я любил на лекции что-нибудь процитировать. Это было очень удобно: хорошо опираться на литературу, ведь знания музыки или живописи смешно от них требовать, этого они в школе не проходили. Сейчас боишься цитировать: непрошибаемая стена, не понимают. Раньше всегда находилась одна книжка, которую все читали. А теперь этого нет.

Математику, инженеру нужны культурные ассоциации, поэзия – это емкая формулировка, точная, компактная, как формула. Обмолвка у Гумилева: «Потому что все оттенки смысла умное число передает». Или у Брюсова о тех же числах. Или в «Дон Кихоте»: «Необходимость математики может возникнуть в любую минуту»...

Z, доктор филологических наук,

профессор, преподаватель истории русской литературы

Система ЕГЭ предельно унифицирует мышление, не предлагая и даже не предполагая выбора или оригинального хода. Она дробит мышление на не связанные между собой фрагменты. «А5 и А8 я всегда делаю правильно, а в А7 и А10 всегда ошибаюсь», – говорят школьники, и из этой типичной для них фразы ясно: та или иная модель русского литературного языка для них не более чем А5, а Пушкин и Достоевский – А7, А8, А9, вместе взятые. Чтобы сдать ЕГЭ, достаточно знать 30 пунктов, а зачем они и почему и часть какой системы – этого экзамен не предполагает.

Сертификат ЕГЭ можно подать в любой вуз страны – казалось бы, плюс: выбери и радуйся! Но если у школьника отличный сертификат – он не столько радуется, сколько выгадывает, как бы пройти в вуз постольнее, а если посредственный – то мается, как бы пройти хоть куда. В этой видимой зоне возможностей заведомо отсутствует выбор определенного вуза и определенной специальности. Маета эта заканчивается тем, что бывший (по школьным меркам) отличник попадает в престижный вуз по липовым школьным баллам и не может по уровню своей подготовки там учиться, а бывший троечник приходит в непрестижный вуз и заявляет там на каждом шагу: «Я к вам не собирался, просто больше некуда».

Отсутствие выбора конкретного вуза и факультета – по желанию, по искренней любви – продуцирует тотальное равнодушие к дальнейшему. В результате студент не ходит на занятия. Преподавателю, обратившемуся в деканат за мерами воздействия, советуют обзванивать студентов по мобильникам и полюбовно согласовывать встречи, отчетности и оценки. Лишенный возможности увидеть студента, преподаватель вынужден давать ему письменное задание – и регулярно получает скачанный и нечитанно сданный сетевой материал, который пролетит мимо темы. Взять в руки книгу студент боится, ибо пользоваться ею не умеет.

А другого студента не получить: базы нет, желания учиться нет. Отчислять нельзя – сокращение контингента завтра обернется сокращением самого преподавателя. И если в столичной жизни он еще сможет найти себе какое-либо место и применение, то в провинциальном сюжете его ждет безработица. Поэтому – закрой глаза, заткни уши и ставь отметки. Впору надеть на себя футляр – только не от начальства (как бы чего не вышло), а от студента (как бы самому не скатиться на тот же уровень косноязычия, безмыслия, тупости, А5, которое всегда правильно).

Судьба «широкого профессионала»

По какой-то, уж не помню когда и откуда взятой статистике количество самостоятельно думающих людей в любую эпоху не превышает четырех процентов от всего населения. Даже если этих процентов, скажем, десять, все равно получается немного.

Думающее население всегда двигало прогресс. Не гении, не великие, как сказал бы Белинский, таланты. Просто люди, способные распознать хорошее в море плохого, истинное в мире мнимого. Это они всегда занимаются внедрением, пробиванием, публикацией. Интеллектуальный гумус, живая питательная почва.

Они всегда романтики, эти странные незаметные существа, немножко Кулигины, даже если вокруг Кабанихи и ни одной Катерины. Общественное для них всегда выше личного, точнее – не отделяется от личного, не существует само по себе.

Утверждать, что процент думающего населения снизится после нескольких лет ЕГЭ, наверное, слишком смело. Но факторы влияния всегда возникают исподволь и незаметно. Вот, например, уже довольно давно моя подруга, преподаватель живописи, заметила, что *компьютерные дети* по-иному двигаются, чем *докомпьютерные* того же возраста. Им трудно сориентироваться, как сесть удобнее, чтобы видеть натюрморт. Им невдомек, что стул передвинуть проще, чем мольберт. Они не очень уверенно ощущают себя в предметном мире, поскольку привыкли двигать мышью.

Так и с ЕГЭ: сужаешь поле мышления, сужается и мышление. Общий интеллектуальный уровень снижается, с ним, скорее всего, падает и моральный. Вот еще пример, совсем уж странный. Моя родина называлась СССР, я советская школьница, воспитанная в эпоху *партии и правительства*. Откуда и почему я лет в тринадцать четко знала, кто такие Адам и Ева (Писания в доме, разумеется, не было), я не имею понятия, однако знала же. Сейчас шестнадцати-семнадцатилетние люди понятия не имеют, *о чем речь*. Догадываются, что Адам был мужчиной. Как это монтируется с Сартром, плохо представляю, но монтируется же?!

Идеалом советской эпохи – пусть лживым, пусть надуманным – был широкий профессионал во всех областях знания. Дипломы мы получали, подкрепленные соответствующими возможностями. Мой среднестатистический коллега-филолог один может очень многое: преподавать в школе и в вузе; работать журналистом, репортером и колумнистом; работать редактором в СМИ и в издательстве, как научным, так и художественным, не говоря уже о техническом; заниматься самостоятельными исследованиями; писать научно-популярные книги и статьи; водить экскурсии; вести методическую деятельность...

Да и еще много чего он может. Позций восемь-десять отбивает один. А куда, спрашивается, девать семерых человек, чьи места под солнцем он занял? На автобусную станцию? В дворники? Так не пойдут же: у них дипломы!

Широкий профессионал экономически невыгоден, это в Европе и Америке поняли задолго до нас, мы только идем, так сказать, по стопам. Реформирование образования – попытка сократить количество *людей с претензиями*. Государственную власть можно понять: если у каждого диплом, кто улицы мести станет? Гастарбайтеров на вас не напасешься!

Но широкий профессионал возникает при наличии широкого кругозора. А кругозор – в том случае, если человек не только смотрит кино или ходит на художественные выставки, но и крепко дружит с художественным текстом: именно в силу особенностей восприятия словесного образа, который по природе вербален, а *на выходе* оказывается близок к визуальному. Человек читающий – это человек, привыкший соединять слова, а из словесных образов чрезвычайно часто рождаются мысли. Когда Андрей Синявский задумывал свой роман «Суд идет», он был уже давно и результативно работающим филологом, прекрасно понимавшим, какое воздействие оказывают слова. В результате состоялся процесс Синявского и Даниэля – прозвенел первый звонок перед спектаклем о конце прекрасной эпохи.

Зачем современному государству новый Синявский? Чтобы он что?.. Ну его. Нервно, да и экономически невыгодно. Разбирайся с ним потом, суди, сажай... Лучше не дадим ему вырасти.

Другая точка зрения

Удивительным образом сегодняшние настроения думающих людей играют на руку *преобразователям образования*. Мы все с огромным воодушевлением, повсеместно и ежечасно, вопием о кризисе культуры. Ощущение, что мы никогда и никуда не выходим из дома.

Ну, допустим, четырехчасовая очередь на выставку Сальвадора Дали может считаться приметой кризиса: Дали – фигура медийная, теперь едва ли не сравнимая, допустим, с попсой (хотя это гипербола, и слишком сильная все же). Но двухчасовая – на Караваджо? Но вечерние, начинающиеся в половине восьмого экскурсии по выставке Ге, на которые после трудового дня приходят люди всех возрастов от двадцати-двадцати пяти до шестидесяти? Но давка во всех крупных книжных магазинах? Но аншлаги в театрах?.. Это – кризис? Да чтоб я так жил!

Конечно, это касается Москвы и Петербурга, может быть, еще каких-то крупных городов. В провинции все гораздо менее радужно. Однако не потому, что жителям Орла или Урюпинска не был бы интересен Уильям Блейк. Им просто его *не приводят*. И книжные новинки до них не доходят, потому что по чьей-то глупости и жадности советская система книготорга была уничтожена одной из первых при наступлении рынка. А так все было бы нормально.

Потому-то и статистика показывает, что в стране стали меньше читать. Включите провинцию в культурный оборот – и увидите, что получится.

У всего есть своя вторая сторона, и наши стоны о культурном кризисе заставляют, между прочим, государственные структуры оказывать культуре кое-какую поддержку, даже кое-что финансировать. Книгоиздание, например. Очень многие хорошие книжки без государственной поддержки просто не вышли бы, поскольку издательства побоялись бы выпустить их на рынок. Забавно, что государство здесь выступает в прогрессивнейшей роли, рынку оппозиционной. Оно вовсе не душит свободную мысль, а, напротив, всячески ее продвигает. А он, воодушевленный идеей свободы, напротив, утверждает: книга Татьяны Соколовой «Ненарушаемая связь» о Е.П. Майковой, прототипе героинь романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв», возмутительно нерентабельна. Если б не было поддержки властей – книжка так и не появилась бы. А так она есть и даже раскупается, кто бы мог подумать.

Так что не стоит прямо-таки брать и отказываться от привычного хода рассуждений. Просто, наверное, стоит принимать во внимание, что всегда есть другая точка зрения...

А что же наш забытый на время школьник? Каково его настоящее, каково будущее?

«Пессимисты портят людям настроение – оптимисты ввергают нас в катастрофы» – это слова Александра Мелихова. Увы, я оптимист. Меня страшно радует, что за дело образования подрастающих поколений взялись, так сказать, действующие, и притом активно, писатели. Поэт Алексей Ивантер составил и издал (ну, не в одиночестве, разумеется) хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX века». За что ему честь и хвала, поскольку вторая половина века еще не *классична*, не канонизирована, и мало кто из педагогов отваживается работать с нею в реальной школьной практике.

Кто ее будет читать? Найдется кому. Главное, чтобы она была в магазинах, а то ведь у нас как: если товаровед не знает какого-то автора, он не утруждает себя добыванием информации, а сразу отказывает книжке в месте на полке (это кризис *культуры* или еще чего-нибудь? Поди разбери...).

Прозаик Александр Мелихов написал книжку «Дрейфующие кумиры», адресованную выпускникам и продвинутым учителям. Она-то о классиках, но живых, а не мумиях, о том, почему они не поддаются мумификации.

Мелихову принадлежит странное, но точное определение культуры: «Система иллюзий, позволяющая нам ощущать себя красивыми и значительными».

...Пожилая женщина, жившая много лет назад, как она говорила, «под колоколом Святогорского монастыря», вблизи от пушкинской могилы, вовсе не была доскональным знатоком творчества поэта. Но когда мы собирали у нее во дворе яблоки, она с гордостью рассказывала, что, когда колокол бьет, звуковые волны доходят и до ее сада. И в этот момент ее буквально распирало от сознания своей красоты и значимости.

Давайте не будем отнимать это чувство у наших детей.

Поступила в редакцию 09.04.12.